

ЗАРЕВО НОВОЙ ЖИЗНИ И ТОТАЛЬНОЕ БЕЗРАЗЛИЧИЕ

Тузенбах — Д. Мороз. МХТ им. А.П. Чехова. Фото Е. Цветковой

Под занавес театрального сезона в Москве — две долгожданные премьеры «Трех сестер» А.П. Чехова. В Студии театрального искусства эту хрестоматийную пьесу поставил Сергей Женовач, в МХТ имени Чехова — Константин Богомолов. Любопытно, конечно, как так получилось, что два режиссера, не сговариваясь, практически одновременно выпускают спектакли по одной и той же пьесе. Любопытно еще и то, что Женовач теперь худрук МХТ, а СТИ станет частью Художественного театра. То есть премьеры состоялись по сути в одном театре, но на разных сценах.

Трудно представить себе двух настолько несхожих друг с другом режиссеров: провокатора, возмутителя спокойствия, нарушителя всех традиций, диктующего моду на трэш, угар и бесчинства Константина Богомолова, и традиционалиста (в хорошем смысле этого слова!) Сергея Женовача, студийца до мозга костей, бережно относящегося к авторскому тексту и зрительскому оку.

Никто не ожидал, что в этих двух постановках можно будет высмотреть что-то общее, помимо первоосновы. С нее и начнем. Текст оба режиссера решили почти не трогать, что удивительно для Богомолова и логично для Женовача.

Без сокращений, конечно, не обошлось, да и некоторых персонажей не пощадили. Богомолов «избавился» от подпоручиков Родэ и Федотика, Женовач — от сторожа земской управы Ферাপонта и няни. Но эти небольшие корректировки в спектаклях почти не ощущаются, главные действующие лица все на месте, основные монологи — тоже.

При всем видимом различии в работе с пространством принцип построения в обеих постановках — один и тот же: действие сосредоточено на одном ограниченном участке, по сторонам которого — зияют пустоты. Художник **Александр Боровский** выстроил на сцене СТИ узкую полосу тесно стоящих друг рядом с другом стволов берез. Получилась тоненькая березовая роща между сценой и авансценой. Сквозь эти стволы и «протискиваются» к зрителю актеры, а еще пробиваются лучи восхо-

дящего и заходящего солнца. За березами — ничего, зритель улавливает едва различимые движения актеров там, в глубине сцены, откуда доносятся шаги, шум празднования именин Ирины, звон бокалов и музыка военных маршей. **Лариса Ломакина** «поселила» чеховских персонажей в одну прямоугольную комнату, обозначенную светящимися разными цветами перекладинами, но открытую со всех сторон. В комнате, как водится у Богомолова и Ломакиной, — диваны, друг напротив друга, фортепьяно и стол. А вокруг — опять же голая сцена, обрамленная огромными проекциями по стенам. Слева, справа и под углом на заднике во всю длину, в режиме реального времени идет «кино», камера выхватывает лица актеров крупным планом, давая зрителю возможность улавливать нюансы выражений их лиц. У Богомолова и у Женовача мир чехов-

Солёный — Е. Перевалов, на экране Чебутыкин — А. Семчев. МХТ им. А.П. Чехова. Фото Е. Цветковой

Маша — А. Виноградова, Вершинин — Д. Куличков, Кулыгин — А. Власов. МХТ им. А.П. Чехова. Фото Е. Цветковой

ских трех сестер — замкнутый, пустоты вокруг таят неизвестность. Кажется, сестры, мечтающие уехать из провинциального города в Москву, заперты на одном отдельно взятом участке, ходят по заданному периметру и переступить порог почти так же страшно, как и остаться тут навсегда.

Сходства двух спектаклей на этом не заканчиваются. Решив оставить текст Чехова практически неизменным, не добавляя в него отсебятины и не переставляя местами разные куски, оба режиссера намеренно ушли от поиска так называемых новых смыслов, предлагая читателю вслушиваться в текст, искать эти новые смыслы в звучании, ритме, интонации, полутонах, игре актеров.

Но вот персонажи при этом у них получились совершенно разные. Богомолов отдал роли звездам: **Александр Ребенок** — Ольга, **Дарья Мороз** (не удивляйтесь — Тузубах), **Светлана Ус-**

тинова, на сцену выходящая чуть ли не впервые, — Наташа. Женовачу же было важно поработать с его недавними выпускниками, совсем молодыми артистами, и только **Сергей Качанов**, единственный возрастной артист СТИ, играет Чебутыкина.

У Богомолова все персонажи как будто писаны одной невзрачной краской, из них словно выпили все жизненные соки. Равнодушие, холодная отстраненность и даже какое-то высокомерие — основная характеристика героев его «Трех сестер». Разве только Маша (**Александра Виноградова**) — порой вызывающе капризна, неприветлива и резка, остальные же ни словом, ни жестом, ни взглядом не выдают эмоций. Кажется, все героини больны одной, явно неизлечимой болезнью — безразличием. Вот напился давно завязавший Чебутыкин (**Александр Семчев**), смешной, нелепый, грузный, и даже в чем-то

Прозоров — Д. Обухов, Чебутыкин — С. Качанов, Ирина — Е. Кондакова, Ольга — М. Корытова.
Студия театрального искусства. Фото А. Иванишина

обаятельный персонаж, и пьяный вдруг начинает говорить серьезные вещи: «Может быть, я и не человек, а только делаю вид, что у меня ноги и руки... и голова, может быть, я не существую вовсе», — а кажется, что ему по большому счету абсолютно все равно, есть у него эти руки и ноги и человек ли он на самом деле.

Тут даже Наташа не вызывает особого раздражения. Ее мешанские представления о жизни, ее откровенное хамство и издевательства над хозяевами дома тонет, теряется в этом застывшем мареве, в этом лишенном свежего чувства доме. Чувства здесь крепко держат на замке, говорят сухо, сдержанно и быстро, будто пытаются поскорее договорить свою мысль. Когда же эмоции все же берут верх, это имеет эффект разорвавшейся бомбы. Как внезапно открывшаяся любовь Тузенбаха к Ирине: Дарья Мороз исподлобья смотрит на

предмет своей страсти, и душит, душит в себе желание кинуться, обнять, прижать к груди. Надо сказать, что актриса ничего особенного не предпринимает, чтобы сыграть мужчину. Но ей почему-то сразу и безоговорочно веришь: ее манера курить, подносить рюмку ко рту, ее походка, и даже исполненная ею эстрадная песня «Давайте выпьем, Наташа, сухого вина» Андрея Державина выдают в ней мужчину. Как страсть Маши к Вершинину, прорывающаяся в итоге истерикой, слезами и признанием сестрам. Как дикая, потаенная злоба в душе Соленого (**Евгений Перевалов**): вот-вот возьмет, да и рывкнет. Как чудовищная тоска Андрея (**Кирилл Трубецкой**), его нелюбовь к жене, жалость к сестрам, понимание своего униженного положения.

Совсем другое дело — у Женовача. Молодые, полные энергии артисты всю играют эту молодость, желание

жить, стремление к счастью. Вот выходит элегантная Ольга (**Мария Корягова**) и произносит первую фразу: «Отец умер ровно год назад, как раз в этот день, пятого мая, в твои именины, Ирина». А Ирина (**Елизавета Кондакова**) отмахивается от нее, смотрит в зал резво, игриво, ей хочется праздновать собственные именины, хочется принимать гостей, пить шампанское, есть пирог. Маша (**Дарья Муреева**), поначалу мрачная, замкнутая, понурая, раскрепощается, оживает под влиянием Вершинина, отдается чувству, становится проказницей, хулиганкой, кокеткой, грубиянкой, даже огрызается на сестер.

В спектакле Женовача персонажи Чехова выписаны выпукло, многогранно, сочно. Неудачник Андрей (**Даниил Обухов**) в валенках и со скрипкой в руках — мягкий, тихий, покорный, в нем

до сих пор живет мечта, что однажды он станет преподавателем университета. Вершинин (**Дмитрий Липинский**) — весельчак, резвый, скорый на руку, относящийся к жизни с легкостью. Легко влюбляется, легко пускается в философские разговоры, легко и безмятежно крутит роман с Машей и также легко ее оставляет. Тузенбах (**Никита Исаченко**) — глубокий, ранимый, в нем чувствуется сила, знание жизни, в нем видно подлинное чувство. Наташа (**Екатерина Копылова**) — вызывает страшное раздражение, от нее хочется отвернуться, закрыть глаза и не видеть, она беспардонна, навязчива, резка.

Богомолув увидел созвучие пьесы Чехова с сегодняшним днем в тотальном безразличии ко всему, что происходит вокруг, его три сестры в Москву никогда не уедут, они так и будут нехотя вста-

Вершинин — Д. Липинский, Маша — Д. Муреева. Студия театрального искусства. Фото А. Иванишина

Ольга — М. Корытова. Студия театрального искусства.
Фото А. Иванишина

Чебутыкин — С. Качанов. Студия театрального искусства.
Фото А. Иванишина

вать с дивана, нехотя говорить, нехотя идти на работу. Финальный монолог Ирины: «Придет время, все узнают, зачем это, для чего эти страдания, никаких не будет тайн, а пока надо жить...», произносится так буднично, мельком, впроброс, что зритель и не слышит его вовсе. Куда там жить? Режиссер, используя минимум выразительных средств, полностью отказавшись от внешнего лоска, броскости своих предыдущих постановок, сталкивает зрителя с текстом один на один, дает ощутить его подлинное звучание. В его интерпретации он звучит негромко, вкрадчиво — простая история из жизни бесконечно ус-

тавших людей, которых не разбудит даже пушечный залп.

Женовач же рассказывает нам об обманутых надеждах и несбыточных мечтах, об обаянии молодости, слепо верящей, что все еще может измениться к лучшему. В финале спектакля беззастенчивая рожа уедет в сторону, зрителю откроется голая сцена, собранные в дорогу чемоданы и три окна, в которые изо всех сил будут всматриваться сестры — в надежде разглядеть там зарево другой жизни.

Дарья АНДРЕЕВА